

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Диалектическое мышление предполагает единство, сочетание анализа и синтеза в ходе исследования предмета. Но сводится ли данное единство, как это иногда изображают, к простому следованию синтеза за анализом, к дополнению одного другим или между ними есть более глубокая внутренняя связь? Ведь о необходимости сочетания анализа и синтеза, следования одного за другим знали и метафизики (например, материалисты XVII – XVIII веков), и, тем не менее, мы говорим о разрыве анализа и синтеза у них. Очевидно, дело заключается не в простом признаке разной необходимости как анализа, так и синтеза. С другой стороны, целый ряд трудностей связан с выделением логической структуры их единства. Этому ряду вопросов и посвящена данная статья. При этом мы, разумеется, далеко не можем претендовать на исчерпывающую разработку поставленной проблемы.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Прежде всего уточним проблему. Есть несколько смыслов, в которых употребляются термины «анализ» и «синтез» и которые нас не будут интересовать в данной статье. Во-первых, это анализ и синтез как характеристики строения доказательства в математике. В этом смысле говорят об аналитическом и синтетическом методах и т.п. Во-вторых, анализ и синтез в смысле кантовского различения «аналитических» и «синтетических» суждений, которое фактически означало отличие способа получения знаний путем чисто логической обработки данного опыта («аналитическое») от способа получения знаний путем обращения к содержанию, путем привлечения к исходному знанию каких-то новых данных опыта («синтетическое»). Но анализ и синтез с самого начала интересуют нас как движение в определенном содержании, отличное от получения знания путем формального вывода. Поэтому различение «аналитических» и «синтетических» суждений здесь неприменимо, ибо с этой точки зрения каждый момент движения мысли был бы синтетичен и, следовательно, в нем нельзя было бы увидеть никаких различий.

Наконец, чаще всего термины «анализ» и «синтез» употребляются применительно ко всему мышлению в целом, к исследованию вообще («анализ» = исследование). Но тогда терется специфика проблемы, она безгранично расширяется. В этом общем смысле мышление в целом есть расчленение предметов сознания и их объединение. Познавая предметы, мы определенным образом их расчленяем, выделяем в них и рассматриваем отдельно те или иные их стороны, свойства, связи, то есть производим «анализ». Мышление вообще есть отражение посредством абстракций. С другой стороны, всякое мышление есть установление каких-то отношений между зафиксированными в мысли предметами или их сторонами, то есть «синтез». Соотношение первого и второго есть определенный процесс. В основе его лежит какая-то связь абстракций, в которых осуществляется мышление. Но не всякая подобная связь абстракций представляет интересующую нас проблему собственно анализа и синтеза. Абстрагирование предмета А и выработка о нем каких-то знаний еще не означают его анализа, если при этом не рассматриваются те его свойства, которые отличают его как часть совокупности предметов от других предметов (В, С, D) этой же совокупности. Например, рассмотрим геометрический объект как таковой не есть ее анализ; анализом оно является лишь в случае фиксирования линии со стороны ее отличительного места (свойств) в той или иной геометрической фигуре (сторона треугольника, медиана, высота и т.п.).

Анализ есть выделение и рассмотрение отличительных свойств, связей предмета, в силу которых он является частью какой-то совокупности предметов и которые, следовательно, имеют значение при рассмотрении отношения координации предметов внутри этой совокупности, то есть при синтезе. Точно так же совокупное рассмотрение предметов А, В, С, D, объединение их в каком-то одном сложном знании еще не означают собственно их синтеза, если полученное знание при этом не фиксирует их в плане координации в составе сложного предмета F. Например, в товаре может быть выделена стоимость, рассмотренная сначала как таковая, а затем в связи со своей формой проявления – меновой стоимостью. Объединение знаний, привлечение других сторон и связей предмета здесь имеют место, но нет синтеза. Стоимость и меновая стоимость (отношение товаров $T - T$) не являются предметами, отличающимися друг от друга местом и ролью в другом, более обширном целом (а, следовательно, не могут быть предметом анализа), и отношение их не есть отношение координации к нему, а есть отношение, например, содержания и формы, сущности и явления, то есть они представляют собой одно и то же, но в разных связях. Процесс отражения подобных явлений соответственно фиксируется нами, чем анализ и синтез, логическими понятиями и категориями. Синтез же есть фиксирование координации различающихся своей ролью внутри целого внешне обособленных

ПРОЦЕССЫ АНАЛИЗА И СИНТЕЗА

М.К.Мамардашвили

Диалектическое мышление предполагает единство, сочетание анализа и синтеза в ходе исследования предмета. Но сводится ли данное единство, как это иногда изображают, к простому следованию синтеза за анализом, к дополнению одного другим или между ними есть более глубокая внутренняя связь? Ведь о необходимости сочетания анализа и синтеза, следования одного за другим знали и метафизики

(например, материалисты XVII – XVIII веков), и, тем не менее, мы говорим о разрыве анализа и синтеза у них. Очевидно, дело заключается не в простом признании равной необходимости как анализа, так и синтеза. С другой стороны, целый ряд трудностей связан с выявлением логической структуры их единства. Этому ряду вопросов и посвящена данная статья. При этом мы, разумеется, далеко не можем претендовать на исчерпывающую разработку поставленной проблемы.

1. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА

Прежде всего уточним проблему. Есть несколько смыслов, в которых употребляются термины «анализ» и «синтез» и которые нас не будут интересовать в данной статье. Во-первых, это анализ и синтез как характеристики строения доказательства в математике. В этом смысле говорят об аналитическом и синтетическом методах и т.п. Во-вторых, анализ и синтез в смысле кантовского различия «аналитических» и «синтетических» суждений, которое фактически означало отличие способа получения знаний путем чисто логической обработки данного опыта

(«аналитическое») от способа получения знаний путем обращения к содержанию, путем привлечения к исходному знанию каких-то иных данных опыта («синтетическое»). Но анализ и синтез с самого начала интересуют нас как движение в определенном содержании, отличное от получения знания путем формального вывода. Поэтому различие «аналитических» и «синтетических» суждений здесь неприменимо, ибо с этой точки зрения каждый момент движения мысли был бы синтетичен и, следовательно, в нем нельзя было бы увидеть никаких различий.

Наконец, чаще всего термины «анализ» и «синтез» употребляются применительно ко всему мышлению в целом, к исследованию вообще («анализ» = исследование). Но тогда теряется специфика проблемы, она безгранично расширяется. В этом общем смысле мышление в целом есть расчленение предметов сознания и их объединение. Познавая предметы, мы определенным образом их расчленяем, выделяем в них и рассматриваем отдельно те или иные их стороны, свойства, связи, то есть производим «анализ».

Мышление вообще есть отражение посредством абстракций. С другой

стороны, всякое мышление есть установление каких-то отношений между зафиксированными в мысли предметами или их сторонами, то есть «синтез». Соотношение первого и второго есть определенный процесс. В основе его лежит какая-то связь абстракций, в которых осуществляется мышление. Но не всякая подобная связь абстракций представляет интересующую нас проблему собственно анализа и синтеза. Абстрагирование предмета А и выработка о нем каких-то знаний еще не означают его анализа, если при этом не рассматриваются те его свойства, которые отличают его как

часть совокупности предметов от других предметов (В, С, D) этой же совокупности. Например, рассмотрение геометрической линии как таковой не есть ее анализ; анализом оно является лишь в случае фиксирования линии со стороны ее отличительного места (свойств) в той или иной геометрической фигуре (сторона треугольника, медиана, высота и т.п.).

Анализ есть выделение и рассмотрение отличительных свойств, связей предмета, в силу которых он является частью какой-то совокупности предметов и которые, следовательно, имеют значение при

рассмотрении отношения
координации предметов внутри этой
совокупности, то есть при синтезе.
Точно так же совокупное
рассмотрение предметов A, B, C, D,
объединение их в каком-то одном
сложном знании еще не означают
собственно их синтеза, если
полученное знание при этом не
фиксирует их в плане координации в
составе сложного предмета F.
Например, в товаре может быть
выделена стоимость, рассмотренная
сначала как таковая, а затем в связи
со своей формой проявления –
меновая стоимостью. Объединение
знаний, привлечение других сторон и

связей предмета здесь имеют место, но нет синтеза. Стоимость и меновая стоимость (отношение товаров $T - T$) не являются предметами, отличающимися друг от друга местом и ролью в другом, более обширном целом (а, следовательно, не могут быть предметом анализа), и отношение их не есть отношение координации в нем, а есть отношение, например, содержания и формы, сущности и явления, то есть они представляют собой одно и то же, но в разных связях. Процесс отражения подобных явлений соответственно фиксируется иными, чем анализ и синтез, логическими

понятиями и категориями. Синтез же есть фиксирование координации различающихся своей ролью внутри целого внешне обособленных предметов или связей, то есть совокупное рассмотрение предметов или связей в плане тех их свойств, которые имеют значение при анализе.

Как мы видим, единство анализа и синтеза проявляется уже в том, что для их выделения в логике как специфических явлений мышления нужно сохранить их соотнесенность, то есть их единство в этом смысле. Положение Энгельса о необходимой связи

анализа и синтеза (см.: «Диалектика природы». – К.Маркс, Ф.Энгельс. Соч., т.20, с.537) является здесь исходным. Если же отвлечься от их соотносительности, то в исследуемом мыслительном материале можно обнаружить иные свойства, чем те, которые специфически характеризуют собственно анализ и синтез, поскольку реальные эмпирические процессы мышления крайне сложны и представляют собой переплетение массы разнородных явлений.

2. ПРАКТИЧЕСКОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ И СОЕДИНЕНИЕ ПРЕДМЕТОВ И ЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Собственно анализ и синтез есть *мысленное* расчленение и соединение предметов в указанном выше смысле. Однако необходимо при этом учесть, что исторически содержание этого процесса логической деятельности формируется впервые в предметно-вещественной деятельности человека (то есть отнюдь не в созерцании) и только впоследствии распространяется на предметы, связанные отношением «целое — часть», независимо от практики человека. На этом основаны как связь, так и различие вещественной и логической деятельности.

Человек практически расчленяет и воссоединяет тела в связи с какими-то своими потребностями. Он или различным образом пользуется разными частями одного предмета или создает для своего использования целое, не существующее в природе. Связь координации, то есть наличие определенных необходимых частей в предмете, является здесь результатом практических действий человека и фиксируется как необходимая в зависимости от условий использования созданного предмета в общественной практике. Хотя свойства целого, благодаря которым

оно может быть определенным образом использовано практически и ради получения которых впоследствии соединяется предмет, следуют из объективных свойств воссоединяемых предметов [10], в логическом знании это первоначально еще не фиксируется. Необходимость связи вытекает из того факта, что без наличия таких-то частей невозможен такой-то общественно фиксированный и повторяющийся способ пользования вещью. Например, создавая составное орудие или строя жилище определенного типа, человек фиксирует наличие определенных

частей как условие повторного воспроизведения предметов и удовлетворения той или иной общественной потребности. Если не соединены предметы А, В, С, то нет явления F, и наоборот, если соединить предметы А, В, С, то есть явление F. На основе этой вещественной деятельности и происходит различение и связывание чувственных образов предметов в плане практически создаваемой связи: чтобы собрать предмет, нужно различить части, а чтобы разобрать предмет, нужно связать чувственные образы частей. [\[1\]](#)

Первые представления о целом и его необходимых частях возникают, таким образом, на основе вещественной деятельности и связаны с ней. Человек что-то практически меняет в предметах окружающего мира и фиксирует определенную необходимую связь (в данном случае – координацию частей предмета) как необходимый результат изменений, производимых его предметной деятельностью, которая может быть повторена миллиарды раз по данному ее типу. Но дело меняется, когда наличные представления о координированных целях применяются к предметам,

возникающим и существующим независимо от практики человека, или когда объективная координация частей предмета не совпадает с их практическим использованием, с их ролью в практике человека. Здесь предполагается умение устанавливать объективную координацию логически (которое, между прочим, может применяться и к предметам, создаваемым или расчленяемым человеческой деятельностью, и заключается в выработке общего знания об объективных свойствах этих предметов, в силу каковых они и могут выполнять определенную роль

в практике человека).

Расчленяя и воссоединяя предметы практически и устанавливая тем самым какую-то их координацию, человек научается делать это мысленно, независимо от возможностей практического расчленения и воссоединения тел, и отражает посредством этого умственного действия объективно существующую координацию в логическом знании. «Научается» здесь означает возникновение особого типа деятельности — логической деятельности — и фиксирование объективной связи «целое — часть» в виде обобщенного

мысленного содержания форм этой деятельности. Раскрытие этого перехода, его необходимости – дело истории мышления. Нашей же задачей было лишь указать на него как на факт. Отметим только, что осуществление логических действий расчленения и воссоединения предметов предполагает фиксирование содержания в понятийной форме. Возникают понятия целого и части, фиксирующие отношение свойств целого (то есть результата координации его частей) и свойств частей в общем виде, и на их основе протекает определенная логическая

деятельность. Ее особенности мы сейчас и рассмотрим, предполагая теоретическое отношение к предмету.

Хотя процесс логического анализа и синтеза и возникает из практически-чувственной деятельности человека, но, раз возникнув, обладает своими собственными законами. Это видно уже из того, что практическое расчленение и воссоединение предмета исключают друг друга (расчленение предмета не дает его соединения), тогда как в применении к логическому процессу мы будем говорить об анализе посредством синтеза, и наоборот.

3. ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ АНАЛИЗ И СИНТЕЗ

При рассмотрении форм познания логику интересует та или иная объективная связь, взятая в предельно обобщенном виде (категория)[11], и логические средства отражения предмета в плане этой объективной связи. В данном случае это связь координации частей целого[12] и соответственно аналитико-синтетическая задача мышления.

«Часть» – внешне обособленный предмет, входящий в состав другого предмета («целого») и выполняющий

в нем определенную роль. «Целое» — предмет, состоящий из различных частей и обладающий в силу этого определенными свойствами, которых нет у отдельных частей и которые присущи лишь их координации. «Суммативных» целых (то есть таких, которые целиком сводятся к свойствам своих отдельных частей) вообще не бывает. С другой стороны, целое не существует как особый, самостоятельный предмет наряду со своими частями. Оно отличается от своих частей лишь так, как координация отличается от координированных в ней элементов. Задача процесса отражения здесь

заключается в том, чтобы зафиксировать части как различные и их отношение как координацию, а целое – как координированную сумму частей, выполняющих в нем в силу своих различий различную роль. Например, исследование какого-либо химического соединения должно раскрыть в нем его части и дать формулу его состава, объяснить его свойства как целого. Построение теории о какой-то предметной области предполагает наличие и аналитического и синтетического знания о каждом предмете этой области, объективно состоящем из частей: особого знания об отдельных

предметах связи и знания о свойствах связи предметов, заключающего в себе результат переработки воедино отдельных знаний.

Эти знания используются в теории различным и относительно самостоятельным образом. В химии при рассмотрении ряда соединений, в свою очередь реагирующих между собой, на место знания о свойствах соединения как целого приходится ставить знание о его отдельных частях, поскольку важны их количественные характеристики. В иных же условиях знание используется нерасчлененно, как

синтетическое. Точно так же в механике в зависимости от нужд построения теории либо в условиях решения более сложных задач используются или знания о составляющих силах или знание о результирующей (имеется в виду сложение и разложение сил по правилу параллелограмма). Построение теории или общий ход исследования могут быть здесь охарактеризованы с точки зрения логических условий возможности замены одного знания рядом других или ряда знаний одним при наличии в предметной области координации различных предметов (фиксируемых

соответственно в особых знаниях) и проявлений результатов этой координации в свойствах целого.

Заметим, что синтетическое знание никогда не является простой механической суммой знаний о частях; оно представляет собой новое знание (можно, например, сослаться на то, что в применении к нескольким силам приходится строить правило параллелограмма и что результирующая отнюдь не равна простой сумме сил).

Структурно единство анализа и синтеза означает как взаимозависимость знаний

(аналитического и синтетического) или задач исследования, так и характеристику способа осуществления каждой из них в отдельности. Уже элементарный процесс отражения простейшей координации и ее различных элементов есть одновременно и анализ и синтез в смысле получения аналитического знания посредством синтеза и синтетического знания посредством анализа.

Анализ есть вычленение отличных друг от друга частей и изолированное фиксирование их свойств в знании. Но «часть» – не просто пространственно

отграниченный предмет с какими-то его свойствами, которые играют роль в его координации с другими частями целого. И если при анализе части интересуют исследователя в их отличии друг от друга, то имеются в виду не различия их и сходства, выделяемые сравнением и элементарным абстрагированием, а различия их места в связи.

Сравнение произведено, отличия, например, кислорода и водорода известны, но речь идет о факте, который не может быть установлен сравнением, а именно о разных количествах и того и другого в данном соединении. Отражение

части достигается посредством включения ее в связь целого. Чтобы зафиксировать предмет как часть, его нужно включить в целое, в связь координации частей, ибо фиксирование предмета как части означает отражение его в мысли именно со стороны того признака, в силу которого он занимает определенное положение в целом, отличное от положения и роли других частей. Условием выделения какого-то знания отдельно является определенное соединение имеющихся знаний и такая их переработка, которая позволяет их расчленить и поставить

разъединенные элементы нового знания в соответствие с частями предмета. Знание о части как специфическое по своему содержанию возникает именно в этом процессе. Анализ предмета осуществляется, таким образом, посредством синтеза частей.

Но, с другой стороны, такое синтетическое сопоставление предметов предполагает знание связи целого. Синтез есть выявление координации частей и определяемых ею свойств целого. Само целое есть особый, самостоятельный предмет, обладающий и рядом свойств, которые вовсе не вытекают из

наличия в нем частей, и отражение его как такового в знании отнюдь не есть синтез. Задача заключается в том, чтобы выявить его свойства, обусловленные связью каких-то специфических необходимых частей. Не будучи расчленено на последние, целое вообще не выступает как специфическое целое. Жидкость, не содержащая кислород, не есть вода.

Целое или нельзя зафиксировать как отличное от других (например, воду в отличие от сходных жидкостей вообще), или его нельзя объяснить в зафиксированных отличиях, не выделяя из него части и не рассматривая их последовательно.

Лишь расчлняя целое на части и последовательно фиксируя их свойства, мы воспроизводим его как данное целое. Процесс анализа частей здесь дает синтез.

Таким образом, аналитическая и синтетическая задачи осуществляются каждая противоположно направленным в своих частях процессом. Это противоречивость самого процесса отражения. Лишь соединяя мысленно (или экспериментально), исследователь осознает части как части данного целого; лишь разлагая мысленно (или экспериментально), исследователь осознает целое как

состоящее из специфических частей и обладающее вследствие этого специфическим свойством, отличающим его от других предметов.

Человек практически расчленяет и воссоединяет тела в связи с какими-то своими потребностями. Он или различным образом пользуется разными частями одного предмета или создает для своего использования целое, не существующее в природе. Связь координации, то есть наличие определенных необходимых частей в предмете, является здесь результатом практических действий человека и

фиксируется как необходимая в зависимости от условий использования созданного предмета в общественной практике. Хотя свойства целого, благодаря которым оно может быть определенным образом использовано практически и ради получения которых впоследствии соединяется предмет, следуют из объективных свойств воссоединяемых предметов [10], в логическом знании это первоначально еще не фиксируется. Необходимость связи вытекает из того факта, что без наличия таких-то частей невозможен такой-то общественно фиксированный и

повторяющийся способ пользования вещью. Например, создавая составное орудие или строя жилище определенного типа, человек фиксирует наличие определенных частей как условие повторного воспроизведения предметов и удовлетворения той или иной общественной потребности. Если не соединены предметы А, В, С, то нет явления F, и наоборот, если соединить предметы А, В, С, то есть явление F. На основе этой вещественной деятельности и происходит различение и связывание чувственных образов предметов в плане практически создаваемой

связи: чтобы собрать предмет, нужно различить части, а чтобы разобрать предмет, нужно связать чувственные образы частей. [\[2\]](#)

Первые представления о целом и его необходимых частях возникают, таким образом, на основе вещественной деятельности и связаны с ней. Человек что-то практически меняет в предметах окружающего мира и фиксирует определенную необходимую связь (в данном случае – координацию частей предмета) как необходимый результат изменений, производимых его предметной деятельностью,

которая может быть повторена
миллиарды раз по данному ее типу.
Но дело меняется, когда наличные
представления о координированных
целях применяются к предметам,
возникающим и существующим
независимо от практики человека,
или когда объективная координация
частей предмета не совпадает с их
практическим использованием, с их
ролью в практике человека. Здесь
предполагается умение
устанавливать объективную
координацию логически (которое,
между прочим, может применяться и
к предметам, создаваемым или
расчленяемым человеческой

деятельностью, и заключается в выработке общего знания об объективных свойствах этих предметов, в силу каковых они и могут выполнять определенную роль в практике человека).

Расчленяя и воссоединяя предметы практически и устанавливая тем самым какую-то их координацию, человек научается делать это мысленно, независимо от возможностей практического расчленения и воссоединения тел, и отражает посредством этого умственного действия объективно существующую координацию в логическом знании. «Научается»

здесь означает возникновение
особого типа деятельности —
логической деятельности — и
фиксирование объективной связи
«целое — часть» в виде обобщенного
мысленного содержания форм этой
деятельности. Раскрытие этого
перехода, его необходимости — дело
истории мышления. Нашей же
задачей было лишь указать на него
как на факт. Отметим только, что
осуществление логических действий
расчленения и воссоединения
предметов предполагает
фиксирование содержания в
понятийной форме. Возникают
понятия целого и части,

фиксирующие отношение свойств целого (то есть результата координации его частей) и свойств частей в общем виде, и на их основе протекает определенная логическая деятельность. Ее особенности мы сейчас и рассмотрим, предполагая теоретическое отношение к предмету.

Хотя процесс логического анализа и синтеза и возникает из практически-чувственной деятельности человека, но, раз возникнув, обладает своими собственными законами. Это видно уже из того, что практическое расчленение и воссоединение предмета исключают друг друга

(расчленение предмета не дает его соединения), тогда как в применении к логическому процессу мы будем говорить об анализе посредством синтеза, и наоборот.

Эти различные задачи мышления могут обособляться во времени, синтетическое и аналитическое знания могут быть разделены какими-то задачами более сложного исследования и играть на разных его этапах различную роль — все это зависит от требований построения теории, от мотивов соединения знаний в одно или их расчленения на разные знания, лежащих вне самих действий соединения и расчленения.

Но решение каждой из этих задач есть единство анализа и синтеза. Структурное единство их заключается в том, что один осуществляется посредством другого. Разрыв анализа и синтеза есть нарушение именно этого единства.

Анализ и синтез могут оказаться разорванными в зависимости от тех или иных условий, от уровня развития науки, от степени ее проникновения в предмет и т.п. Условия разрыва анализа и синтеза, находящиеся в связи с переходом к анализу и синтезу более сложных объектов, мы рассмотрим ниже. Здесь же кратко укажем те, которые

относятся к процессам
элементарного анализа и синтеза.

1) Предмет, объективно являющийся частью другого, зафиксирован как особый, самостоятельный предмет и изучается как таковой, поскольку исследователь на данном уровне развития науки не осознает того, что он – часть. Например, кислород был сначала выделен мысленно в виде «чистого воздуха» (то есть как одна из разновидностей воздуха) и так изучался. Но здесь нет тогда ни анализа, ни синтеза, имеется просто особый предмет, изучаемый безотносительно к составу другого – воздуха, хотя исследование внешне (с

точки зрения последующих этапов развития науки) выглядит как односторонне аналитическое.

2) Предмет, объективно являющийся составным, абстрагируется безотносительно к своим частям и изучается как таковой со всеми его свойствами. Здесь точно так же нет ни анализа, ни синтеза, хотя исследование может показаться односторонне синтетическим.

Как видим, адекватный процесс отражения в предметах связи «часть – целое» может быть осуществлен лишь как единство анализа и синтеза. Соединение анализа и синтеза в этом смысле, их

противоречивое единство есть свойство всякого процесса отражения предмета в плане связи «часть – целое» и рано или поздно раскрывается наукой о мышлении. Раскрытие этого единства – результат диалектического подхода к мышлению и пониманию активности последнего, но сами элементарный анализ и синтез не являются специфическими для диалектического мышления, не характеризуют его со стороны формы. Роль диалектики заключалась в данном случае в том, чтобы выявить наличное и недоступное пониманию с точки

зрения созерцательного
материализма единство процесса
анализа и синтеза. И не случайно
именно Гегель, исходявший из
активности мышления и ставивший
проблему анализа и синтеза как
проблему логического мышления,
нащупал единство анализа и синтеза,
их диалектику, показал
соотносительность категорий части
и целого и противоречивость
процесса отражения предмета как
части и целого. Но от этого сам
процесс анализа и синтеза не
становится специфическим для
диалектики; диалектическое его
понимание не превращает его в

способ диалектического исследования. «Часть» и «целое» — это относительно простые и непосредственные категории, возникшие на основе чувственно-практической деятельности человека, и фиксирующая их логическая связь абстракций (структура процесса анализа и синтеза) еще не усложнена целым рядом обстоятельств, связанных с переходом мышления к отражению развития и функционирования сложных систем связей. Эти обстоятельства, лежащие вне категорий целого и части, выявляют при применении этих категорий к

анализу и синтезу более сложных объектов такие условия разрыва и обособления анализа и синтеза, которые имеют более или менее всеобщий характер на данной ступени развития наук и характеризуют, например, целый период этого развития как метафизический. Здесь и возникает вопрос о диалектике.

4. СВЯЗЬ «ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ» И ОРГАНИЧЕСКОЕ ЦЕЛОЕ

Элементарный анализ и синтез, основывающиеся на связи «часть – целое», имеют свой смысл и сохраняют свое единство при

рассмотрении относительно простых объектов с внешне заметно различными и определенным образом координированными частями отвлеченно от происхождения, развития и субординации этих элементов целого и от их взаимовлияния и переплетения, создающих такие явления, которые, в свою очередь, являются сторонами или «частями» целого. Кроме того, части рассматриваются как внешне обособленные, покоящиеся предметы целого. И это вполне правомерно в определенных пределах. Более того, такого рода абстракции возможны и

при сознательном подходе к предмету как к сложной системе связей, где одни элементы возникают из других, влияют друг на друга, вовлечены в какие-то процессы и т.п. Но сознательность подхода предполагает наличие каких-то категорий, фиксирующих диалектический характер объекта науки, а это сложный и относительно поздний результат исторического развития наук и философии. Пока же, когда наука только переходит к более широкому кругу предметов и более сложным связям между ними, мы имеем эмпирически зафиксированное многообразие

фактов какого-то сложного целого, к которым применяются наличные у исследователя категории. И здесь непонимание диалектики предмета дает типичную метафизику в исследовании, а со стороны формы характеризуется разрывом анализа и синтеза. В плане анализа получается разрыв связей целого, превращение абстрагированной его части в абсолютный, изолированный предмет. В плане синтеза – сведение целого к механической сумме частей, связи между которыми остаются нераскрытыми, то есть синтез отнюдь не воссоздает разорванные анализом связи. Здесь речь идет уже

об иных условиях разрыва анализа и синтеза, чем те, которые мы рассматривали выше, и сводятся они к следующему.

Дан какой-то предмет F, свойства которого как целого уже отличены от его частей, точно так же, как части A, B, C, D... отличены друг от друга и от целого. Например, товар, деньги, купеческий капитал, земельная рента и т.п. — в капиталистической экономике как целом или цветок, листья и т.п. — в составе растения. Анализ предмета A (или B, C, D...) и заключается в отвлечении его от целого и в рассмотрении его свойств,

выступающих в связи с другими частями целого, иначе он не фиксируется как часть.

Но если изучаемый предмет возник (и исторически и функционально) лишь в связи с данным целым, как результат его внутренней дифференциации (как это бывает во всяком живом организме, животном или социальном), то, будучи таким способом изолирован, он станет непостижимым даже при понимании того, что он является частью целого. Свойства торгового капитала как особого функционального элемента внутри капиталистической экономики суть результат

дифференциации процесса производства прибавочной стоимости. Физиологические особенности и анатомическое строение цветка возникают лишь в связи с растением как целым.

Способом постижения такого предмета было бы рассмотрение дифференциации единого, то есть рассмотрение той связи, в которой он возникает и начинает играть роль функционального члена целого. И здесь дело как раз не в отношении целого и части, ибо речь идет не о фиксации каких-то различных элементов координации, а о происхождении обоих элементов из

чего-то единого. Именно на это указывал Энгельс, говоря, что «например, уже часть и целое – это такие категории, которые становятся недостаточными в органической природе. Выталкивание семени – зародыш – и родившееся животное нельзя рассматривать как «часть», отделяющую от «целого»: это дало бы ложное толкование» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 528).

Связь «часть – целое» есть отнюдь не отменяемый существованием других связей внешний результат их действия, выражающийся во внешнем обособлении уже наличных элементов целого. Непонимание

этого, неумение выделить другие формы связи (или вообще их незнание) и соответствующая абсолютизация категорий целого и части приводят к тому, что анализируемый предмет выступает как абсолютный, изолированный предмет, который может входить в любые и самые различные целые и, следовательно, не зависит от них и не связан с ними. В результате отрыва анализа от синтеза такой предмет превращается в загадку, в нечто мистическое. Экономисты-метафизики находили капитал и вообще различные элементы капиталистической экономики в

самых различных обществах, в том числе и в рабовладельческом, и неудивительно, что они не могли понять их специфики.

Такое же различие применимо и к неорганической природе. Одно дело, например, анализ кислорода в самых разных его соединениях (и задача его выделения как внешне обособленной части здесь вполне выполняема элементарным анализом и синтезом). Другое дело – анализ кислорода в связи с тем соединением, в результате дифференциации которого он впервые возникает (например, проблема происхождения земной

атмосферы). Процессы мышления здесь различны, последний анализ предполагает знание и выделение связей, характеризующих диалектически расчлененный и развивающийся предмет.

Синтез предмета предполагает, что определенным образом известны некоторые свойства предмета как целого и свойства его частей как самостоятельных предметов, и ставит своей задачей выяснение координации последних. Из сказанного выше об анализе можно видеть, что если синтетическое рассмотрение соединения частей не сопровождается выявлением

особенностей, вытекающих из их связи, то исследование приобретает односторонне синтетический характер, то есть фактически не осуществляется как синтез. Так, попытка соединения в одном знании различных сведений о различных явлениях капиталистической экономики не дает их синтеза, если ей не предшествует рассмотрение, например, происхождения денег из внутренней дифференциации товара (генетическое) или происхождения прибыли из прибавочной стоимости (функциональное), хотя отличия, например, денег от товара и их различная роль в целом известны, то

есть элементарный анализ и синтез осуществлены. Итогом такого исследования является механическая сумма частей, поставленных во внешнюю систематическую связь, внутренние же связи между ними не раскрыты. Именно таковы попытки систематического изложения учения Рикардо у его эпигонов (аналогичное явление представляет собой и спекулятивное установление внутренних связей).

Но дело в том, что здесь исследователь объективно сталкивается с другого типа целым, чем то, которое мы до сих пор рассматривали. Мы говорили о

координированном целом, и лишь в этом смысле понятие целого было соотносительно с понятием именно части. Теперь объективно вмещивается момент субординации, без рассмотрения которого неосуществимы ни анализ, ни синтез. С другой стороны, анализируя свойства целого, приходится рассматривать взаимовлияние и взаимодействие его элементов помимо их координации.

Таким образом, соединение анализа и синтеза, осуществление одного посредством другого предполагают в данном случае решение и других задач, например, выяснение

субординации элементов и их
взаимовлияния внутри целого.
Анализ и синтез становятся
результатом и стороной других
процессов мышления и
функционируют в специфическом
для диалектического мышления виде
лишь в связи с этими процессами.
Само формирование анализа и
синтеза как специфических
процессов необходимо предполагает
учет в соответствующих новых
категориях имеющих здесь место
объективных связей, их характера.
Исторически впервые до марксизма
на путь обобщения этих сложных
внутренних связей встала немецкая

идеалистическая диалектика (Гегель), но проблема была решена лишь марксизмом и прежде всего Марксом в «Капитале». Обобщение это было как выработкой диалектического понимания предмета науки, мира в целом, так и выработкой логических средств воспроизведения таким образом понимаемого предмета в мышлении.

Подлежащую исследованию диалектическим методом сложную систему связей Маркс характеризует как «органическое», «диалектически-расчлененное целое». «Органическое целое» — исторически возникшая,

развивающаяся и крайне сложно функционально расчлененная система связей и процессов, взаимовлияющих друг на друга. Отдельные связи, стороны, процессы целого распадаются как различные функциональные его члены, в то же время соединяясь в его структуре. В плане интересующей нас проблемы важно то, что здесь приходится различать уже не предметы, связанные лишь координацией («части»), а элементы, члены (*gliederung*, как выражался Маркс) структуры, то есть предметы, связанные и помимо их координации так, что целый ряд их свойств

вытекает из их переплетения, взаимовлияния, происхождения одного из другого и т.п. Предмет, модифицирующий другие предметы (или происшедший из них, или являющийся их формой проявления и т.п.) и составляющий вместе с ними какую-то подвижную структуру, не является, строго говоря, ее «частью». Торговую прибыль, например, никак не назовешь «частью» капиталистической экономики; она не есть внешне обособленный предмет, и при ее объяснении имеется в виду прежде всего не фиксирование ее координации с другими частями целого, а выявление

ее происхождения из движения прибавочной стоимости. Но, с другой стороны, здесь имеет место и развитие понятий о части и целом, их расширение в результате применения процесса анализа и синтеза к органическому целому. В роли «целого» и «частей» здесь выступают структура органического целого и его элементы – вся сумма сторон, явлений и свойств.

Рассмотрим теперь анализ и синтез таким образом построенных предметов. Нас будут здесь интересовать абстракции, основывающиеся на сознательном применении категорий диалектики.

5. АНАЛИЗ И СИНТЕЗ СИСТЕМЫ («ОРГАНИЧЕСКОГО» ЦЕЛОГО)

Здесь «единство анализа и синтеза» есть характеристика диалектического исследования вообще[13], в том числе и такой его формы, как восхождение от абстрактного к конкретному. Диалектический метод в целом представляет собой правила анализирования и синтеза сложных систем связей, являющиеся средством раскрытия необходимых внутренних связей органического целого со всей совокупностью его сторон. Путем восхождения от

абстрактного к конкретному выделяются и прослеживаются отдельные связи между различными элементами целого и синтезируются в картину целого, где каждый элемент занимает определенное место. Выделенные особо связи между отдельными элементами рассматриваются в то же время в той связи, в какой они выступают в целом, а целое фиксируется в плане тех свойств, которые выявлены при рассмотрении связей отдельных элементов, то есть каждый шаг движения исследования представляет собой единство анализа и синтеза в самом широком смысле

этих терминов. Связи между элементами и сторонами целого могут быть самого различного типа (содержание – форма, внутреннее противоречие – внешняя дифференциация противоположностей, закон – формы его проявления, развитие и происхождение и т.п.), и соответственно к ним могут применяться различные приемы диалектического исследования, из которых ни один в отдельности не является собственно анализом и синтезом. Но в результате действия подобных приемов оказывается вскрытым и отношение элементов в

целом, то есть место, занимаемое ими в нем, и целое как необходимая совокупность элементов. Раскрыть и логически охарактеризовать эти приемы – значит раскрыть метод вообще (с логической его стороны). Но это не входит в наши задачи. Мы охарактеризуем лишь ряд специфических особенностей диалектического исследования со стороны его аналитической и синтетической деятельности.

Основная черта единства анализа и синтеза, выявившаяся на примере элементарного анализа и синтеза, здесь сохраняется. Например, акты $D - T$ и $T - D_1$ мысленно

вычленяются из процесса производства прибавочной стоимости ($D - T - D1$) как его части и рассматриваются отдельно каждый, но по отношению именно к данному целому, то есть одновременно и включаются в него. Лишь включение части в целое (синтез) выявляет ее как часть данного целого (анализ). Акт $D - T$ как часть целого есть покупка рабочей силы (а не купля товара вообще), и такой характер этой части может быть зафиксирован лишь при учете свойств связи целого (то есть $D - D1$). Вне этого нет части целого, а есть купля товара вообще, которая

никак в дальнейшем не может объяснить целое. Но, с другой стороны, лишь выключение частей (анализ) может зафиксировать свойства и координацию данного целого (синтез). Иначе производство прибавочной стоимости ничем на поверхности не отличается от купеческого или ростовщического капитала ($D - D1$), и тот и другой приносят $D1$. Вычленение частей здесь является условием фиксирования свойств данного целого в его отличном от других целых виде. Таким образом, выключение частей из целого (синтез посредством анализа) одновременно

предполагает их включение в целое (анализ посредством синтеза), это полярные полюсы абстракций. Процесс анализа и синтеза есть способ движения (то есть разрешения) этого противоречия процесса отражения.

Как видим, тип связи абстракции в данном случае остается тот же. Но он усложняется рядом мысленных зависимостей и предполагает выявление внутренних связей предмета. Условием осуществления анализа и синтеза здесь является понимание характера рабочей силы как товара, то есть раскрытие содержания капиталистической

формы обмена труда. О том, что рабочий нанимается, знали и до Маркса, но объяснить свойство целого (D^1) не могли, поскольку не могли осуществить другой процесс мышления – раскрыть внутреннее содержание процесса обмена, дающего прирост стоимости.

Отметив сохранение основной структуры единства анализа и синтеза, нужно, однако, учесть, что, во-первых, здесь имеет место расширение значений анализа и синтеза и развитие понятий о части и целом. Так, в приведенном примере понятие части прилагается

к процессам ($D - T$ и $T - D^1$), составляющим другой, целостный процесс, а не к пространственно отграниченным покоящимся предметам. Во-вторых, анализ и синтез функционируют здесь в зависимости от других процессов мышления, от раскрытия ими внутренних связей органического целого.

С другой стороны, внешне, в эмпирических проявлениях элементы и явления органического целого также обособляются как отличные друг от друга предметы, разделенные массой

посредствующих звеньев, и необходимость предварительного выяснения субординации различных элементов, их содержания и специфики и т.п. отнюдь не снимает последующей задачи объяснения координации их как особых предметов на поверхности органического целого. При объяснении взаимодействия массы рассмотренных до этого элементов, как оно выступает на поверхности, значения анализа и синтеза и понятия части и целого расширяются несколько в ином смысле, чем об этом до сих пор говорилось. Сам процесс выявления и исследования

внутренних связей органического целого может быть здесь охарактеризован как собственно анализ и синтез в узком и в то же время специфическом для исследования системы смысле (в отличие от того общего смысла, в котором само восхождение от абстрактного к конкретному в целом является правилом анализирования и синтезирования системы).

Со стороны этого процесса мышления строение предмета выглядит следующим образом.

На поверхности даны свойства, явления (обозначим их как А, В, С,

Д...) целого, сами в то же время являющиеся его «частями», то есть внешне обособленными друг от друга связями целого. Например, рабочие, капиталисты (то есть классы), безработица, кризисы, конкуренция, концентрация капитала и т.п. Эти отдельные явления целого – они присущи именно предмету в целом, а не отдельным его сторонам или элементам – сами образуют его «состав». Это нужно отличать от свойств целого, вытекающих из координации частей; свойство D^1 целого Д-Т-Д¹ в формуле капитала не обособляется и не входит обособленно в состав целого; оно

есть само целое, взятое в плане свойств координации его частей, тогда как явления А, В, С, D представляют собой совокупный результат действия и взаимовлияния массы связей и элементов (обозначим их как К, L, M, N) целого. Например, кризис есть результат взаимодействия ряда отдельных элементов целого и в то же время свойство капиталистической экономики в целом. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет о таком взаимовлиянии ряда элементов, которое приводит к возникновению особых, самостоятельных явлений целого. Элемент К может

воздействовать на элемент М и как-то его модифицировать, но речь идет не об этом, не о свойстве элемента М, возникшем в связи с влиянием на него К, а о самостоятельном явлении А, представляющем собой свойство целого и возникшем из единства элементов К и М. Таким образом, объективное строение подлежащего анализу и синтезу предмета (органического целого) заключается в наличии обособленных друг от друга свойств, явлений целого и их источников — связи массы элементов целого. Рассмотрим имеющие здесь место анализ и синтез.

Исследование здесь может ставить двоякую задачу. С одной стороны, могут быть известны какие-то свойства, явления предмета как целого, и нужно установить источник этих свойств, то есть на деле теоретически объяснить явления целого. С другой стороны, могут быть известны элементы целого, и нужно обнаружить вытекающие из их взаимодействия свойства целого. Эти различные задачи возникают на различных этапах исследования, но решение каждой из них есть единство анализа и синтеза.

Рассмотрение отдельного, обособленного явления целого есть анализ по отношению к последнему. Но уже для того, чтобы зафиксировать какие-то явления как свойства именно данного целого, нужна длительная история познания. Такое органическое целое, как экономическая система, не может быть чувственно созерцаемо со всеми принадлежащими ему элементами и явлениями таким же способом, как созерцается в целом животный организм. Здесь еще приходится решать вопрос о принадлежности элементов и явлений к данному целому, то есть

вычленять в различных элементах их скрытое единство, сводить их друг к другу. Так, например, вычленение в товаре свойств капитала решает вопрос о его принадлежности к буржуазной экономике. На этом этапе еще нет раскрытия внутренних связей целого; пока нужно выявить «состав» целого, выявить в его явлениях общее, что делает их явлениями именно данного целого. В этом смысле о целом этапе домарксовой политической экономии можно говорить как об аналитическом, поскольку внутренние связи целого, приводящие к его внешне

фиксируемыми свойствам, не
вскрываются[14].

Однако дальнейшее исследование,
переходящее к внутренним связям
предмета, не есть просто один
синтез (в этом плане часто
отождествляют диалектическое
исследование с синтетическим), а
новый анализ и новый синтез.
Просто элементарный анализ и
синтез и ряд других процессов
мышления предполагаются
совершившимися – отличие явления
А от других явлений целого,
принадлежность их к целому и их
внешне различная в нем роль
выявлены, выделены отдельные связи

системы, выяснено их число, известны элементы и т.д. О том, что в этих условиях речь идет именно о дальнейшей задаче, свидетельствует, например, неудача английского химика Ньюлендса, пытавшегося выявить периодический закон системы химических элементов при отсутствии соответствующего анализа, при неправильном построении отдельных групп («октав») из уже известных элементов и связей между ними, так что эти группы не могли служить исходным пунктом для выявления периодичности системы как целого, состоящего из этих групп (см.:

Кедров Б.М. Научный метод
Д.И.Менделеева. Вопросы
философии, № 3, 1957). Суть дела
состоит в дальнейшем исследовании
А как явления целого посредством
анализа и синтеза внутренних связей
массы элементов К, L, M, N. Задача
заключается в том, чтобы понять А
как явление, вытекающее из
взаимовлияния элементов (частей)
органического целого. Выполняется
она охватом массы сторон и
зависимостей целого. Таково,
например, обнаружение Марксом
причин кризиса и объяснение им
циклическости капиталистического
воспроизводства, а также

обнаружение и объяснение процесса концентрации и централизации капитала.

Дело в специфической направленности исследования выявленных связей, то есть системы, распадающейся на отдельные связи. Специфическая роль анализа и синтеза заключается в объяснении суммарного эффекта действия какой-то совокупности связей посредством знаний об отдельных связях, то есть о том, чтобы охарактеризовать каждую выявленную или уже известную связь элементов системы отдельно таким образом, чтобы путем соединения знаний о них

можно было получить обобщенную характеристику системы (в данном случае сложного явления А). Дело не в соединении знаний об отдельных связях, уже имеющихся независимо от синтетической задачи. Наоборот, речь идет о соединении знаний, вырабатываемых в предположении этой задачи. Специфичность соединения знаний здесь предполагает специфичность аналитического рассмотрения отдельных связей, в данном случае – *обобщение их в связи с системой* . Разъясним это.

Сложное явление целого, о котором должен быть получен вывод в теории, наблюдается эмпирически, например, рост числа крупных предприятий или рост числа мелких и средних – централизация и децентрализация капитала. В различных странах, в различных отраслях и в разные периоды времени может происходить как централизация, так и децентрализация капитала, причем соотношение их колеблется в зависимости от самых различных конкретно-эмпирических условий. О преобладающем направлении процесса можно пока судить лишь

среднестатистически, взяв большие периоды времени. Но вопрос заключается в том, происходит ли необходимо централизация и концентрация в капиталистической экономике как целом, взятом абстрактно в виде общей системы. Уже одна такая постановка вопроса предполагает рассмотрение общих и необходимых связей, слагающих эту систему, и вывод о централизации и концентрации капитала в качестве характеристики действия всего этого ряда зависимостей как целого, а не всякого единичного капитала, где те или иные моменты системы могут вообще отсутствовать.

Такой вывод здесь предполагает особое рассмотрение отдельных связей: технического и стоимостного строения капитала, методов производства относительной прибавочной стоимости (эффекта концентрации средств производства при фабричной кооперации), накопления капитала и т.п. Сами эти связи эмпирически находятся в разнообразных соотношениях, значение каждой из них колеблется, характер действия некоторых из них может вовсе не обнаруживаться, компенсируясь действием других, и вообще в эмпирии не видно, как они составляют систему именно данного

числа зависимостей. Анализ и должен обобщить отдельно каждую из них в связи с системой и в то же время зафиксировать характер действия каждой независимо от остальных: каково бы ни было действие остальных зависимостей, данная зависимость таким-то образом участвует в суммарном эффекте системы. Синтез подытоживает работу анализа, рассматривая сложное явление системы как результат совместного действия всех проанализированных связей. Обобщающее рассмотрение всего числа составляющих связей (элементов K , L , M , N) и

теоретическая реконструкция на этой основе механизма явления А системы – такова здесь функция анализа и синтеза.

Проведенные таким образом анализ и синтез явлений А, В, С, D системы позволяют связать знания о них в картину системы органического целого, объяснить внешние связи между ними. Со стороны отношения подобных явлений предмета между собой последовательное раскрытие источника каждого из них (анализ) есть способ объяснения целого как состоящего из этого ряда явлений, то есть синтез. В этом смысле осуществление анализа и синтеза

действительно выступает как способ установления (или объяснения) действующих на поверхности связей путем раскрытия внутренних связей предмета, его внутренней структуры. Чем ближе к поверхности целого, тем больше связей приходится учитывать, и рассмотрение проявления свойств целого (вытекающих из какой-то связи частей) в связи с другими свойствами целого имеет прежде всего синтетический характер. Но анализ, тем не менее, предполагается. Оба процесса – анализ посредством синтеза и синтез посредством анализа – в применении

к указанному выше характеру строения органического целого переплетаются, составляют условие и способ осуществления друг друга.

Наконец, рассмотрим кратко один специфический тип обобщения, связанный с процессом анализа и синтеза и применяемый к рассмотрению совокупного действия массы законов органического целого (см. по этому вопросу диссертацию: Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному. МГУ, 1954, с. 438 – 471).

Исследование органического целого имеет целью на основе раскрытия

его отдельных сторон и свойств
установить его законы именно как
целого в его действительном,
близком к эмпирическим формам
проявления виде.

Исследование идет от исходного
знания об абстрактно рассмотренном
законе (например, закон стоимости)
к его обобщению на явления,
представляющие результат
совокупного действия массы связей
целого (например, закон стоимости,
осуществляющийся как тенденция).
Средство этого обобщения —
совокупное рассмотрение всех этих
взаимодействующих связей в их
отношении к обобщаемой стороне,

то есть сам переход к более общему знанию осуществляется синтетически — есть синтетическое обобщение. Характер имеющего здесь место обобщения можно проиллюстрировать на примере установления Марксом тенденции средней нормы прибыли к понижению.

При анализе отдельного капитала Маркс устанавливает зависимость: «органическое строение капитала — норма прибыли» (рост органического строения капитала ведет к понижению нормы прибыли). Отдельный капитал рассматривается как типичный

представитель рода капиталов, отвлеченно от конкуренции капиталов, от уравнивания прибылей, переливания капиталов из одной отрасли в другую и т.п. При этом предполагается, что зависимость «органическое строение капитала – норма прибыли» существует везде, где имеется капитал, только она, при данном строении знаний о ней, характеризует любой из массы капиталов без учета их взаимодействия. Вопрос заключается в том, как действует эта зависимость для массы внешне обособленных и взаимодействующих капиталов, где

норма прибыли модифицируется в среднюю норму, степень эксплуатации рабочих меняется в зависимости от условий конкуренции и т.п. Проблема решается синтетически.

Общий вывод о характере движения и направленности изменений средней нормы прибыли, являющийся расширением (обобщением) знания о зависимости изменений нормы прибыли от изменений органического строения капитала, достигается путем синтеза всей совокупности условий и связей, которые, с одной стороны, приводят к увеличению органического

строения капитала, а с другой стороны, препятствуют снижению средней нормы прибыли даже при увеличении органического строения капитала. Знание об отдельной зависимости здесь переработано путем прослеживания влияний на нее в условиях целого в обобщенное знание о законе как *тенденции всего целого* , как тенденции совокупного функционирования всех его сторон и законов. Обозначив изменяющиеся элементы зависимости через А и В (знание о зависимости изменений В от изменений

Мы рассмотрели ограниченный круг проблем, связанных с процессами анализа и синтеза. Дальнейшей задачей является рассмотрение процессов анализа и синтеза в деталях, выявление всего многообразия форм единства анализа и синтеза и самое главное — введение рассмотренных явлений в логическую теорию, что предполагает более точное и логически строгое изображение их структуры. В нашей возможности было лишь наметить подходы к последней.

[1]

[2]